

ЖЕНА

САРА ПЕККАНЕН

МЕЖДУ

ГРИР ХЕНДРИКС

НАМИ

Издательство АСТ
Москва

От Грир:

*Посвящается Джону, Пейдж и Алексу,
с любовью и благодарностью*

От Сары:

*Посвящается тем, кто вдохновил меня
на написание этой книги*

Часть 1

Пролог

Она быстро идет по тротуару, светлые волосы колыхаются в ритме ее шагов, на щеках играет румянец, на плече висит спортивная сумка. Остановившись перед подъездом своего дома, она достает из сумки ключи. Улица за ее спиной полнится шумом и суетой, мимо проезжают желтые такси, офисные работники возвращаются домой, люди с пакетами заходят и выходят из магазина на углу. Но мои глаза прикованы к ней.

Она на мгновение задерживается на пороге и быстро оглядывается через плечо. По моему телу пробегает электрический ток. Неужели она заметила, что я смотрю на нее? Это называется «распознавание взгляда» — способность почувствовать, когда кто-то наблюдает за нами. Вся система человеческого мышления основана на этой генетической особенности, унаследованной нами от предков, — стремлении добычи не быть съеденной. Я тоже отработала в себе этот защитный механизм: по коже пробегает разряд, голова инстинктивно поворачивается в поисках устремленной на меня пары глаз. Я на собственном опыте убедилась, что игнорировать этот инстинкт опасно.

Но она поворачивает голову в противоположную сторону, а потом открывает дверь и переступает порог.

Она понятия не имеет о том, что я с ней сделала.

Она не знает, что я нанесла ей непоправимый ущерб, запустила разрушительный процесс.

Эта красивая молодая женщина с лицом в форме сердца, с роскошной фигурой — женщина, ради которой мой муж Ричард оставил меня, — не заметила бы меня, как не замечают голубя, клюющего мусор на тротуаре под ногами.

Она и не подозревает, что с ней станет, если она не остановится. Она и представить себе не может.

Глава 1

Нелли не поняла, отчего проснулась. Но когда она открыла глаза, у нее в ногах стояла и смотрела на нее женщина в ее собственном белом кружевном подвенечном платье.

Крик застрял у Нелли в горле, и она рванулась к тумбочке, поперек которой лежала бейсбольная бита. Наконец глаза привыкли к зернистому утреннему свету, и сердце замедлило ритм.

Когда она поняла, что в безопасности, из груди вырвался сдавленный смешок. За женщину она приняла свое упакованное в пластик свадебное платье, которое она вчера забрала из магазина и повесила на дверцу шкафа. Корсаж и пышная юбка были набиты оберточной бумагой, чтобы держать форму. Нелли снова упала на подушку. Переведя дух, она посмотрела на квадратные голубые цифры часов на тумбочке. Слишком рано, как всегда.

Она закинула руки за голову, а потом потянулась левой рукой к будильнику, чтобы выключить его, прежде чем он начнет трезвонить. Подаренное Ричардом бриллиантовое обручальное кольцо на пальце ощущалось как что-то чужеродное и непривычно тяжелое.

Даже в детстве Нелли с трудом удавалось заснуть. Ее матери никогда не хватало терпения на исполнение долгих ритуалов, но папа всегда перед сном поглаживал Нелли по спине и вычерчивал пальцем целые предложения через ткань ее ночной рубашки. Он писал: «Я тебя люблю» или «Ты самая лучшая», а она пыталась распознать его слова. Иногда он рисовал узоры, круги, звездочки или треугольники. Потом родители развелись, и папа переехал. Ей было девять. С тех пор она просто лежала перед сном на кровати, укрывшись одеялом в розовую и фиолетовую полоску, и смотрела на пятно от воды на потолке.

Когда Нелли наконец удавалось задремать, она погружалась в забытие на семь или восемь часов и спала, не видя снов, так крепко, что матери иногда приходилось трясти ее за плечи, чтобы разбудить.

Но после той октябрьской ночи на последнем году учебы в колледже все круто изменилось.

Бессонница резко усугубилась, ночь превратилась в череду реалистичных снов, прерываемых внезапными пробуждениями. Однажды, когда Нелли спустилась на завтрак в доме женского сообщества Чи Омега, одна из девушек сказала ей, что она выкрикивала во сне что-то неразборчивое. Нелли попыталась сделать вид, что все в порядке: «Нервничаю перед экзаменами. Говорят, психология статистики — это жесть». И встала из-за стола, чтобы налить себе еще кофе.

После этого случая она заставила себя пойти на прием к университетскому психологу, но, несмотря на деликатную настойчивость женщины-психотерапевта, так и не смогла рассказать ей о теплой ночи в начале осени, которая началась хохотом и несколькими бутылками водки, а закончилась отчаянием и воем полицейских сирен. Нелли сходила на два приема, но третий отменила и больше у психолога не была.

Однажды Нелли рассказала кое-что Ричарду, проснувшись от одного из повторяющихся из ночи в ночь кошмаров и почувствовав, как его руки обвилились вокруг нее, а низкий голос шепчет на ухо: «Все в порядке, детка. Со мной ты в безопасности». Когда их тела переплелись, она поняла, что именно этого чувства безопасности, охватившего ее сейчас, ей не хватало всю жизнь, даже до того происшествия. Ощущая рядом присутствие Ричарда, Нелли смогла наконец, не чувствуя себя уязвимой, снова погрузиться в состояние глубокого сна без сновидений. Как будто она после долгого перерыва вновь обрела твердую почву под ногами.

Но прошлой ночью Нелли осталась одна в своей квартире на первом этаже кирпичного нью-йоркского дома. Ричард уехал по делам в Чикаго, а ее лучшая подруга, с которой они делили квартиру, Саманта, ночевала у своего нового бойфренда. Стены дома не могли оградить Нелли от шума города: автомобильных гудков, чьих-то криков, лая собак... Хотя уровень преступности в Верхнем Ист-Сайде был самым низким в этом районе, окна были закрыты стальной решеткой, а дверь запиралась на три замка, один из которых, самый мощный, Нелли установила, когда переехала сюда. И, несмотря на это, ей понадобился лишний бокал вина, чтобы заснуть.

Нелли потеряла слезящиеся глаза и медленно соскребла себя с кровати. Она натянула махровый халат и снова посмотрела на платье, думая, что, может быть, стоит попытаться освободить место в своем крошечном шкафу и впихнуть его туда. Юбка такая пышная. В свадебном магазине на фоне своих надутых, в пайетках собратьев, оно выглядело элегантным и простым, как забранные в пучок волосы по сравнению с высокими начесами. Но рядом с неразберихой ее собственной одежды и шаткими икеевскими полками в этой крошечной спальне оно с пугающей убедительностью начинало напоминать наряд диснеевской принцессы.

Но все равно уже поздно его менять. День свадьбы стремительно приближался, и каждая деталь была продумана, вплоть до фигурки на торт — светловолосой невесты и ее красивого жениха, застывших в минуту абсолютного счастья.

«Господи, они даже похожи на вас», — сказала Саманта, когда Нелли показала ей фотографию винтажной фарфоровой статуэтки, присланную на почту Ричардом. Фигурка принадлежала его родителям, и Ричард нашел ее в кладовой в подвале многоквартирного нью-йоркского дома, где он жил, когда сделал ей предложение. Сэм сморщила нос: «Тебе никогда не казалось, что он слишком хорош, чтобы быть настоящим?»

Ричарду было тридцать шесть, на девять лет больше, чем Нелли, и он был преуспевающим управляющим хедж-фонда. У него было крепкое телосложение бегуна и всегда наготове широкая улыбка, которая контрастировала с внимательным взглядом синих глаз.

На первое свидание он повел ее во французский ресторан, где со знанием дела обсуждал достоинства белого бургундского с сомелье. На второе свидание, в снежное

воскресенье, он велел ей одеться потеплее и заехал за ней с парой ярко-зеленых пластмассовых санок. «В Центральном парке есть отличная горка», — сказал он.

В тот день на нем были бледно-голубые джинсы, и в них он смотрелся так же хорошо, как в своих идеально сидящих костюмах.

Нелли совершенно серьезно ответила на вопрос Сэм: «Каждый день об этом думаю».

Нелли подавила очередной зевок и, волоча ноги по холодному линолеуму, прошла семь шагов, отделяющих ее комнату от крошечной, как в трюме корабля, кухни. Она щелкнула выключателем и заметила, что Сэм опять насвинячила, не вытерев банку с медом, который она клала в чай. Вязкая дорожка стекла по банке, образовав липкую янтарную лужу, в которой барахтался таракан. Она уже несколько лет жила на Манхэттене, но ее все еще тошнило от этого зрелища. Она взяла одну из грязных кружек Сэм и накрыла ею таракана, подумав: «Пусть сама с ним разбирается». В ожидании, пока сварится кофе, она открыла ноутбук и начала проверять почту — скидка от «Гэп»; мама, которая, видимо, теперь стала вегетарианкой, просила Нелли позаботиться, чтобы на свадьбе были блюда без мяса; напоминание о том, что пора оплачивать лимит по кредитной карте.

Нелли налила себе кофе в чашку, украшенную сердцами и надписью «Первоклассная учительница» — ей и Саманте, которая тоже преподавала в начальной школе «Ступенька за ступенькой», некуда уже было ставить эти одинаковые чашки, — и сделала большой глоток. На сегодня у нее было назначено десять встреч с родителями «волчат», группы трехлетних детишек. Без кофеина есть опасность заснуть в «тихом уголке», а ей нужно было быть в форме. Первыми шли Портеры, в последнее время

обеспокоенные недостатком занятий, развивающих детскую креативность. Они порекомендовали заменить большой кукольный домик гигантским вигвамом и даже приложили ссылку на интернет-магазин, где его можно было купить за 229 долларов.

Когда она переедет к Ричарду, по Портерам она будет скучать всего лишь чуточку меньше, чем по тараканам. Она посмотрела на кружку Саманты, почувствовала укол совести и, поспешно подхватив таракана салфеткой, спустила в унитаз.

Телефон зазвонил, когда она принимала душ. Она завернулась в полотенце и побежала в комнату, чтобы взять сумку. Но телефона там не было — Нелли вечно его где-то оставляла. Наконец она вытащила его из складок одеяла.

— Алло?

Молчание.

Определитель показывал, что номер скрыт. Через секунду на экране появилось оповещение о голосовом сообщении. Она нажала кнопку, но услышала только слабый ритмичный звук. Дыхание.

«Очередное предложение что-нибудь купить», — сказала она себе и бросила телефон на кровать. Она, как всегда, себя накручивает. Она просто нервничает. В конце концов, всего через несколько недель она соберет свои вещи, переедет к Ричарду и пойдет навстречу своей новой жизни с букетом белых роз в руках. Перемены всегда пугают, а на нее они свалились внезапно.

Но все-таки это уже третий звонок за несколько недель.

Она бросила взгляд на входную дверь. Стальной замок был заперт.

Она снова направилась в ванную, но потом вернулась, решив взять с собой телефон. Положила его на край раковины, затем повесила полотенце на перекладину и встала под душ. Когда из крана ударила струя ледяной воды, Нелли отпрянула, подкрутила рукоятку и обхватила руками плечи.

Маленькая ванная быстро наполнилась паром. Нелли просто стояла, чувствуя, как вода струится по твердым узелкам на плечах и вниз по спине. После свадьбы она поменяет фамилию. А может быть, даже номер телефона.

Она надела хлопковое платье и начала красить свои светлые ресницы — она делала макияж и наряжалась, собираясь на работу, только когда предстояла встреча с родителями или выпускной, — когда вдруг телефон завибрировал, и фарфоровая раковина отозвалась громким металлическим гулом. Она вздрогнула, и щеточка с тушью дернулась вверх, оставив возле брови черный след.

Нелли взглянула на телефон и прочитала сообщение от Ричарда: «Жду с нетерпением нашей сегодняшней встречи, красотка. Считаю минуты. Люблю тебя».

Она смотрела на сообщение от своего жениха, и дыхание, которое как будто застряло в груди с момента ее пробуждения, стало постепенно к ней возвращаться. «Я тоже тебя люблю», — ответила она.

Сегодня вечером она расскажет ему о телефонных звонках. Ричард нальет ей бокал вина и положит ее ноги к себе на колени. Они обо всем поговорят. Может быть, он знает способ отследить звонок со скрытого номера. Она закончила макияж, перекинула через плечо тяжелую сумку и вышла на улицу, залитую неярким весенним солнцем.

Глава 2

Меня будит вопль чайника тети Шарлотты. Я лежу, свернувшись клубком, и слабое солнце, пробиваясь сквозь планки жалюзи, бросает на меня бледные полосы света. Неужели утро? Я уже несколько месяцев сплю одна на двуспальной кровати — пусть и не такой широкой, как та, на которой когда-то спали мы с Ричардом, — и все равно занимаю только одну половину. Простыня справа от меня холодная. Я оставляю место для призрака.

По утрам хуже всего, потому что на какое-то время я сохраняю ясность мышления. Передышка невыносима. Я съеживаюсь под лоскутным одеялом и чувствую, как наваливается тяжесть, приковывая меня к кровати.

Ричард сейчас, наверное, с моей заменой, юной и милостивой. Его темно-синие глаза прикованы к ее лицу, кончиками пальцев он касается изгиба ее щеки. Иногда я почти слышу нежные слова, которые он когда-то шептал мне: «Я тебя так люблю. Я сделаю тебя счастливой. Ты для меня дороже всего на свете».

Мое сердце колотится так сильно, что каждый удар отзывается болью. «Глубоко дышать», — напоминаю я себе. Это не помогает. Никогда не помогало.

Каждый раз, когда я наблюдаю за женщиной, ради которой Ричард бросил меня, меня поражает ее мягкость и невинность. Она так похожа на меня, когда мы с Ричардом только познакомились, и он касался моего лица, нежно, как хрупкого цветка, который страшно сломать.

Даже в самом начале, когда все развивалось так стремительно, мне иногда казалось, что мы следуем — что он следует — какому-то сценарию. Но тогда это было неважно. Ричард был заботлив, обаятелен, хорошо зарабатывал.